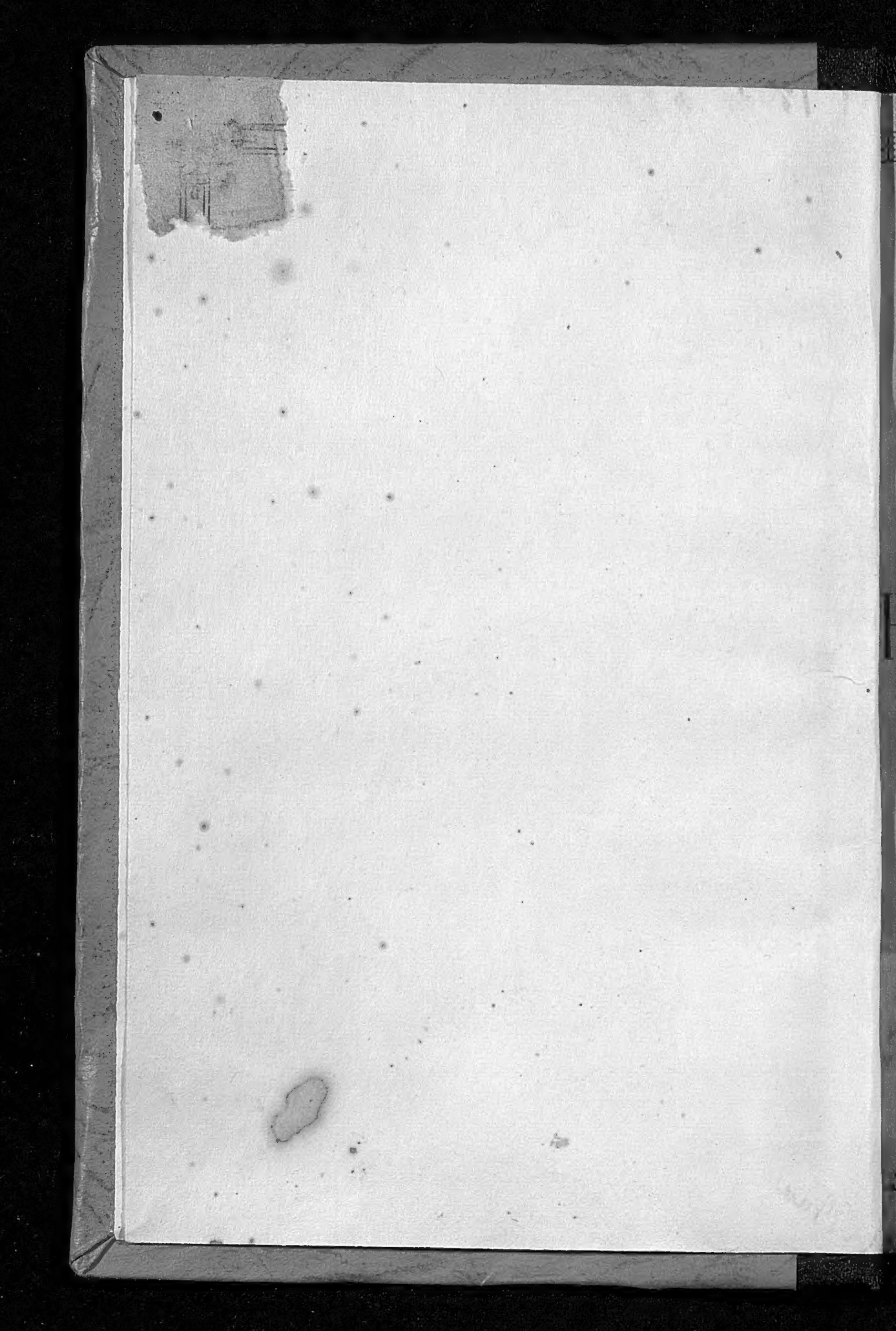

„Свобода и братство народовъ.“

№ 16.

Л. И. БУРЧАКЪ.

ДѢЯТЕЛИ УКРАИНСКАГО НАЦІОНАЛЬНАГО ОСВОБОЖДЕНІЯ.

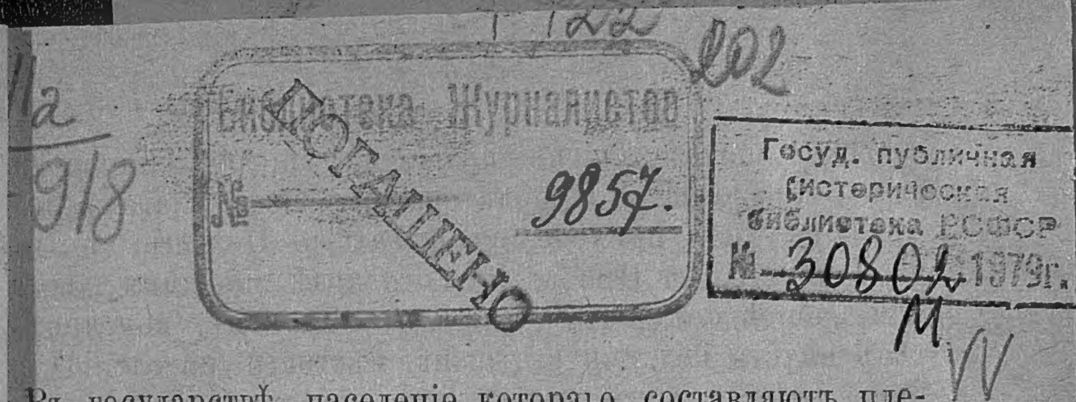
(Т. Шевченко, М. Драгомаковъ, И. Франко, Б. Гринченко, М. Грушевскій).

МОСКВА. 1917.

ТИПОГРАФІЯ Т-ва „ЗАДРУГА“,
Москва, Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. 9. Телефонъ 5-87-02.

Въ государствѣ, населеніе котораго составляютъ пле-
на и народности, говорящія на разныхъ языкахъ, имѣ-
щія разные обычаи и вѣрованія, неизбѣжно приходится
блюдать, кромѣ общаго политическаго гнета, еще осо-
й, такъ называемый *національный* гнетъ.

Этотъ національный гнетъ терпятъ тѣ народы, кото-
е не составляютъ большинства въ государствѣ,—такъ
зать,—меньшіе братья въ государственной семьѣ.

Особенно сильно національный гнетъ сказывается и про-
ляетъ тамъ, гдѣ люди не достаточно еще развиты, про-
щенны, культурны. Въ отсталыхъ государствахъ, гдѣ
сама власть груба и некультурна, всегда тяжелѣе и
убѣе преслѣдованіе „малыхъ народностей".

Россія въ національномъ отношеніи является однимъ
ъ наиболѣе пестрыхъ государствъ: тутъ вы найдете по-
ковъ, евреевъ, украинцевъ, татаръ, армянъ, эстовъ, ла-
шей, грузинъ и т. д. И на всѣхъ нихъ старый грубый
модержавный порядокъ накладывалъ свою тяжелую руку.
ъ угнеталъ всѣхъ гражданъ, онъ намѣренно держалъ
ъ во тьмѣ, невѣжествѣ, безправіи, чтобы полнѣе и сво-
днѣе властвовать и выколачивать изъ забитаго и безпо-
щнаго народа послѣдній грошъ.

Но, кромѣ того общаго порядка, который тяжкимъ
еменемъ давилъ весь народъ, въ томъ числѣ и „держав-
ю" народность—великороссовъ, недержавные народно-
и угнетаемы были еще и въ національномъ отношеніи:
нихъ отняты были тѣ права, которыми великороссы

свободно пользовались,—право на употребленіе родно
языка, право на родную литературу, школу, даже религі

Тотъ, кому приходилось бывать въ Польшѣ, въ Литв
на Украинѣ, въ Прибалтійскомъ краѣ, въ такъ называ
мой „чертѣ осѣдлости“, видѣлъ (если онъ, конечно, х
тѣлъ видѣть подлинную жизнь мѣстнаго населенія), ч
такое національный гнетъ.

Здѣсь мы разскажемъ, въ какихъ формахъ проявлял
національный гнетъ въ украинскихъ областяхъ Россіи.

Украина присоединена была къ Московскому царст
на основаніи такъ называемаго Переяславскаго договор
Договоръ этотъ былъ заключенъ въ 1654 г. царемъ Алекс
емъ Михайловичемъ—съ одной стороны и Гетманомъ Укр
ины Богданомъ Хмельницкимъ—съ другой въ г. Пер
яславѣ (въ нынѣшней Полтавской губ.).

По этому договору Украина, хотя и объединялась
Москвой, но оставляла за собой большія права и „вол
ности“. Она сохраняла за собой свои суды, свое войс
(60 тысячъ казаковъ), право выбирать себѣ гетмана, пр
во выбирать своихъ должностныхъ лицъ, даже пра
„принимать и отпускать“ иностранныхъ пословъ, т.-е
другими словами, непосредственно сноситься съ иностра
ными государствами.

Никакимъ другимъ договоромъ или инымъ законод
тельнымъ актомъ этотъ договоръ двухъ правительствъ-
украинскаго и московскаго—отмѣненъ не былъ. Но путем
обмана и насилія всѣ права народа украинскаго был
постепенно сведены московскимъ, а потомъ петербургским
правительствомъ *на нѣтъ*.

Ко времени того переворота, который послѣдовал
28 февраля 1917 года, у украинскаго народа уже ниче
не осталось отъ національно-политическихъ правъ. У укра
инцевъ не стало ни своихъ школъ, ни своихъ судов

ни своихъ выборныхъ должностей, а языкъ украинскій изгонялся отовсюду. На немъ запрещали учить, запрещали молиться, печатать книги и газеты. Самое слово „украинскій" стремились изгнать и замѣнить словомъ „малороссійскій". Принимались всѣ мѣры къ тому, чтобы народъ забылъ, *кто онъ.*

Украину наводнили русскими помѣщиками, русскими чиновниками, русскими учителями, которые даже особую прибавку къ жалованью получали отъ правительства *за обрусѣніе края.*

Правительство боялось, какъ бы не выскользнулъ изъ рукъ богатый кусокъ, плодородный черноземный край, и всѣ мѣры принимало, чтобъ убить въ народѣ, его населявшемъ, память о прошломъ, чтобъ промѣнялъ онъ родную рѣчь на русскую, чтобы потерялъ навсегда свое *національное лицо.*

Но мы знаемъ, что, какъ ни угнетало самодержавіе всѣхъ насъ въ политическомъ отношеніи, все-же всегда находились люди, протестовавшіе противъ этого, боровшіеся съ гнетомъ. Многіе изъ нихъ въ этой борьбѣ погибли; но на смѣну имъ шли другіе, и въ концѣ концовъ, побѣдили.

Такъ и противъ національнаго гнета истинные друзья народа неустанно боролись. Боролись и украинцы, боролись словами и дѣломъ.

Въ этой борьбѣ, какъ и во всякой другой, имѣлись руководители и вожаки, имѣлись и рядовые герои. Справедливость требуетъ всѣхъ ихъ помянуть теперь въ дни, когда народъ украинскій освобождается отъ вѣкового гнета, но мы остановимся здѣсь лишь на наиболѣе выдающихся, среди которыхъ первое мѣсто, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Тарасу Григорьевичу Шевченку.

Т. Г. Шевченко.

Когда передъ нами пройдетъ жизнь этого человѣ когда мы хоть въ краткихъ словахъ разскажемъ, *какъ* жи онъ, сколько перенесъ и перестрадалъ для народа, и ч оставилъ этому народу, то для насъ станетъ понятны почему его съ такою жестокостью преслѣдовало правите ство Николая I-го и почему теперь, когда пробуждает къ національной жизни многомилліонный украинс народъ, онъ повсюду прежде всего вспоминаетъ о свое великомъ поэтѣ, съ благоговѣйнымъ чувствомъ поетъ „Заповіт“ и обнажаетъ голову передъ портретомъ „бать Тараса“.

Жизнь не баловала поэта. Съ младенческихъ лѣтъ до старости, отъ колыбели до могилы его сопровожда тяжкіе удары судьбы, безпримѣрныя лишенія, тоска родинѣ и печаль о тяжкой долѣ ея сыновъ.

Шевченко былъ сыномъ крѣпостного крестьянина и с. Моринецъ, Звенигородскаго у., Кіевской губ., род. 25 ф враля 1814 г. Росъ малолѣтній Шевченко безъ должна присмотра, такъ какъ рано лишился матери. Отъ мач ничего, кромѣ ругани и пинковъ, онъ не видѣлъ, а од надцати лѣтъ лишился и отца. Дѣтства у поэта не бы онъ не слыхалъ ласковыхъ словъ, не встрѣчалъ участл ваго отношенія къ себѣ.

Съ одиннадцати лѣтъ мыкался Шевченко по чужи людямъ. Мы видимъ его то у приходскаго дьячка на п ложеніи не то ученика, не то батрака, то у дьякона-ж вописца, то въ качествѣ пастуха овецъ... У дьячка все-т Шевченко научился грамотѣ и тамъ-же почувствова большое влеченіе къ рисованію. Оттого и направился о къ дьякону-иконописцу. Но „три дня, разсказывалъ п томъ самъ Шевченко, таскалъ я терпѣливо на гору в

рами воду изъ рѣчки Тикича и растиралъ на желѣзномъ листѣ краску-мѣдянку. На четвертый день не хватило у меня терпѣнія, и я убѣжалъ въ село Тарасовку къ дьячку-живописцу. Съ твердымъ намѣреніемъ протерпѣть всѣ мученія, которыя, какъ я думалъ, нераздѣльны съ наукой!..“ Но дьячокъ-художникъ не принялъ Шевченка. Мальчикъ пошелъ пасти овецъ, но и этого мѣста скоро лишился, такъ-какъ былъ плохимъ пастухомъ,—больше занимался рисованіемъ, чѣмъ слѣдилъ за своимъ стадомъ. Затѣмъ не надолго попалъ будущій поэтъ на службу къ сельскому батюшкѣ, а далѣе, поскитавшись еще нѣкоторое время по свѣту, нашелъ пристанище у своего помѣщика Энгельгардта въ с. Вильшма—въ качествѣ „казачка“.

Что это была за служба—Шевченко разсказываетъ самъ: „Помѣщикъ мой вмѣнилъ мнѣ въ обязанность только молчать и стоять неподвижно въ уголкѣ передней, пока не раздастся его голосъ и не прикажетъ подать трубку или налить ему передъ носомъ стаканъ воды“... Тяжела была служба „казачка“ въ панскихъ горницахъ, но въ концѣ-концовъ доля какъ-будто усмѣхнулась поэту. „Панъ“ замѣтилъ любовь мальчика къ рисованію и отправилъ его въ Петербургъ въ науку къ иконописцу Ширяеву.

Тутъ Шевченко могъ уже заняться любимымъ дѣломъ, тутъ-же онъ начинаетъ писать и стихи. Въ Петербургѣ судьба столкнула его съ землякомъ художникомъ Иваномъ Сошенкомъ, который принялъ въ немъ большое участіе. Благодаря стараніямъ его и украинца-писателя Гребенки и при помощи секретаря Академіи Художествъ Григоровича, поэта Жуковскаго и художника Брюллова Шевченка удалось выкупить у Энгельгардта за $2^1/_2$ тысячи рублей. Эти деньги друзья Шевченка выручили путемъ лотереи, въ которую разыграли портретъ Жуковскаго, писаный Брюлловымъ.

Въ 1838 году Шевченко сталъ свободнымъ человѣкомъ. Теперь онъ получилъ уже возможность учиться, читать, писать стихи, не опасаясь, что изъ-за господской прихоти придется бросить любимое дѣло и опять быть приставленнымъ къ панскому „двору“.

Черёзъ два года по освобожденіи Шевченка отъ крѣпостного рабства, въ 1840 г., выходитъ изъ печати „Кобзарь“ Шевченка, а въ слѣдующемъ году его большая поэма „Гайдамаки“.

„Кобзарь“—собраніе стихотвореній Шевченка, написанныхъ на чистомъ украинскомъ языкѣ. Въ „Кобзарѣ“ находимъ мы думы о прошломъ Украины и о ея настоящемъ, въ „Кобзарѣ“ скорбитъ Шевченко о тяжкой долѣ своихъ соплеменниковъ, попавшихъ въ ярмо крѣпостного рабства, потерявшихъ всѣ человѣческія права, угнетаемыхъ и обездоленныхъ, тоскуетъ по утерянной свободѣ родной Украины. Но въ то же время глубоко вѣритъ поэтъ въ конечное торжество правды, когда, по его словамъ:

„Спочинуть невольничі
Утомлені руки
І колина одпочинуть
Кайданами куті“...

Шевченко больше, чѣмъ кто-либо другой изъ поэтовъ, заслужилъ названіе поэта *народнаго*. Онъ, родившійся въ крестьянской крѣпостной семьѣ, вышедшій изъ самой гущи народной, выросшій въ народной средѣ, никогда во всю свою жизнь не терялъ связи съ народомъ. Народныя скорби и бѣдствія стали муками и бѣдами самого Шевченка. Ни на минуту не забывалъ поэтъ, что онъ сынъ своего народа и въ пѣсняхъ своихъ главнымъ образомъ говорилъ о немъ.

Въ Кіевѣ, куда пріѣхалъ поэтъ по окончаніи Академіи Художествъ въ 1844 г., земляки-украинцы встрѣтили его,

какъ перваго и самаго извѣстнаго изъ украинскихъ поэтовъ, какъ надежду всѣхъ, кому дорого родное слово.

Здѣсь въ Кіевѣ Шевченко пристаетъ къ тому кружку молодежи, который организовался въ такъ называемое „Кирилло-Меѳодіевское Братство“.

Такое названіе (по имени первыхъ учителей славянства братьевъ Кирилла и Меѳодія) присвоила себѣ первая украинская политическая организація, постановившая своею цѣлью полное уничтоженіе крѣпостного права и всякихъ сословныхъ привилегій и объединеніе всего славянскаго мира въ единую великую республику, построенную на федеративныхъ началахъ.

Каждый народъ, входящій въ составъ федераціи (туда, по мысли основателей должны были войти великороссы, украинцы, поляки, чехи, лужичане, хорутане, иллиросербы и болгары), долженъ былъ представлять собою особую республику и долженъ былъ самъ управлять своими дѣлами; органомъ же высшей власти всего союза долженъ былъ быть сеймъ изъ депутатовъ отъ всѣхъ народностей.

Путь, идя которымъ „братья“ намѣревались итти къ своей цѣли, былъ путь мирной пропаганды „сообразно съ евангельскими правилами любви, кротости и терпѣнія“...

Шевченко не былъ членомъ братства, но близко стоялъ къ нему; онъ близокъ былъ съ Костомаровымъ, поэтомъ и ученымъ, однимъ изъ главныхъ дѣятелей „Братства“. Хорошо зналъ Шевченко и Пантелеймона Кулиша, также украинскаго писателя, ученаго и переводчика, бывшаго среди той-же украинской молодежи.

Близость къ „братьямъ“ и была одной изъ причинъ, почему Шевченка арестовали и сослали. Въ тѣ времена, въ царствованіе Николая I-го, особенно зорко слѣдили за „благонадежностью“ и безпощадно душили всякую свѣжую

мысль, правдивое и честное слово. Студентъ Петровъ донесъ на „братьевъ", и ихъ моментально поарестовывали, разослали по разнымъ тюрьмамъ, городамъ и областямъ,— конечно, безъ всякаго суда.

Шевченка содержали въ Петропавловской крѣпости и затѣмъ сослали въ Оренбургскій край солдатомъ, безъ права выслуги и притомъ по особому еще царскому распоряженію запретили писать и рисовать. Запретили все, чѣмъ человѣкъ могъ скрасить свою тяжкую долю.

Цѣлыхъ десять лѣтъ пробылъ въ ссылкѣ въ далекой чужбинѣ поэтъ, въ постоянной тоскѣ по родинѣ, лишенный возможности заниматься любимымъ дѣломъ, и только въ 1857 году, когда уже не было на престолѣ „царя-фельдфебеля" Николая I-го, получилъ украинскій поэтъ возможность выѣхать изъ ссылки.

Былъ сосланъ молодымъ, крѣпкимъ, полнымъ силъ человѣкомъ, а вернулся немощнымъ старикомъ. И недолго довелось Шевченкѣ пожить на свободѣ, подъ роднымъ небомъ, на Украинѣ, къ которой онъ такъ рвался всегда. Въ 1861 году, черезъ три года по возвращеніи изъ ссылки поэтъ умеръ, нѣсколько дней только не дождавшись уничтоженія ненавистнаго ему крѣпостного права.

Великій поэтъ Украины прожилъ всего 47 лѣтъ. Въ теченіи этого недолгаго срока—24 года пробылъ онъ въ крѣпостной зависимости, 10 лѣтъ провелъ въ ссылкѣ въ отдаленной Оренбургской крѣпости, а послѣдніе годы прожилъ подъ „полицейскимъ надзоромъ".

Такъ прошла жизнь человѣка, который больше всего любилъ и цѣнилъ человѣческую свободу. Хотѣлъ видѣть людей свободными, а видѣлъ ихъ подъ ярмомъ крѣпостниковъ-помѣщиковъ, хотѣлъ видѣть ихъ просвѣщенными, а видѣлъ темноту и невѣжество, насаждавшееся самодержавіемъ, мечталъ о политическомъ и національномъ осво-

бождении Украины и видѣлъ, какъ самое слово украинское загоняютъ въ подполье, отрекаются отъ него, какъ отъ „мужицкаго“.

Единственное желаніе Шевченка было исполнено вскорѣ послѣ смерти.

Въ „заповіті“ (завѣщаніе) онъ просилъ:

„Як умру, то поховайте
Мене на могилі,
Серед степу широкого,
На Вкраїні милій:
Щ б лани широкополі
І Дніпро, і кручі
Було видно,—було чути,
Як реве ревучий!“...

Тѣло Шевченка было перевезено изъ Петербурга въ Кіевъ и похоронено на высокомъ берегу Днѣпра вблизи гор. Канева.

Всѣ остальныя желанія и стремленія великаго украинскаго поэта исполняются только теперь, когда народъ можетъ свободно самъ творить свою волю. И въ годину, когда всѣ народы Россіи, въ томъ числѣ и украинцы, на новыхъ началахъ, началахъ братства, равенства и свободы, перестраиваютъ свою жизнь, нельзя не вспомнить объ украинскомъ поэтѣ—великомъ демократѣ, другѣ народа.

Его „Кобзарь“ имѣетъ большую цѣну для всѣхъ, всѣми онъ читается съ высокимъ интересомъ, но для украинцевъ значеніе этой книги особенно велико. Вѣдь въ значительной мѣрѣ благодаря именно этой замѣчательной книгѣ украинскій народъ не потерялъ самого себя, не забылъ своего прошлаго, не переставалъ думать о томъ, какъ-бы разбить сковывавшія его цѣпи. Изъ нея онъ знакомился съ прошлымъ своей родины, по ней учился патріотизму и уваженію и къ своему, и къ чужому.

Вѣдь онъ наказывалъ своимъ землякамъ:

„Свою Украïну любить,
Любить ïï... во время люте,
В останню тяжкую минуту
За неï Господа молить“...

Онъ завѣщалъ имъ:

„Учітеся, брати моï!
Думайте, читайте,
І чужому научайтесь,—
Свого не цурайтесь“...

Онъ звалъ къ любовной и энергичной работѣ ср народа, звалъ стать на стражѣ его интересовъ и св вѣрилъ въ то, что будетъ правда на землѣ:

„Повинна буть, бо сонце стане
І осквернену землю спалить“...

Онъ вѣрилъ въ то, что придетъ, наконецъ, вре когда среди людей не будетъ „враговъ“ и „супостатов а на землѣ будутъ жить просто свободные *люди*. Онъ рилъ въ тѣ мысли, которыя проводили Кирилло-Мефодь скіе братья, вѣрилъ въ грядущее содружество слав скихъ народовъ и говорилъ:

„... А я нишком
Богу помолюся,
Щоб усі Славяне стали
Добрими братами“...

На все, что видѣлъ вокругъ, умѣлъ отозваться Шевчен Всѣ печали и бѣдствія безправнаго обиженнаго челов Шевченко воспринималъ чуткимъ и отзывчивымъ сердц и умѣлъ передать въ своихъ пѣсняхъ.

Оттого и стоитъ онъ въ первомъ ряду борцовъ за вобожденіе своего народа отъ политическаго и націона наго гнета. Оттого ненавидѣло и преслѣдовало его ц ское правительство, не оставляя даже самой памяти п отъ преслѣдованій.

Оно всячески препятствовало постановкѣ памятника Шевченко въ Кіевѣ, оно запрещало чествовать поэта, оно даже панихиды запрещало служить по немъ. Но народъ самъ воздвигъ памятникъ своему поэту, памятникъ нерукотворенный. Этотъ памятникъ—любовь и память народная.

Когда догорала жизнь Шевченка, будившаго своимъ огненнымъ словомъ подавленное украинское національное чувство, на Украинѣ зарождалась новая сила. На борьбу за національныя права украинскаго народа выступилъ Михаилъ Петровичъ Драгомановъ.

М. П. Драгомановъ.

Свою жизнь Драгомановъ и началъ и прожилъ иначе. Онъ родился и выросъ среди другихъ людей, иначе воспитывался и учился, но сближаетъ его съ Шевченко горячая любовь къ Украинѣ и та работа, которую онъ велъ. Была она направлена къ тому, чтобы мысли, къ которымъ когда-то пришли члены Кирилло-Мефодіевскаго братства—славянская федерація и братство народовъ—осуществились на дѣлѣ.

Родомъ Драгомановъ былъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ Полтавской губ. и родился въ маленькомъ глухомъ городкѣ Гадячѣ въ сентябрѣ 1841 года.

Отецъ его—человѣкъ очень образованный—молодость провелъ въ Петербургѣ, гдѣ изучилъ французскій и англійскій языки и хорошо познакомился съ русской литературой. Вернувшись на Украину, онъ занялся собираніемъ украинскихъ народныхъ пѣсенъ и даже пробовалъ писать по-украински. Мать Драгоманова родилась, выросла и воспитывалась на Украинѣ и всегда близко стояла къ украинскому народу. Оттого въ семьѣ у Драгомановыхъ

всегда говорили по-украински. Это обстоятельство им
большое значеніе для Драгоманова; благодаря этому
немъ всегда жило сознаніе, что онъ украинецъ, приб
жало его къ народу. Не забывалъ онъ украинской р
и въ школѣ, такъ какъ учиться ему пришлось въ П
тавской гимназіи, гдѣ украинская рѣчь была въ х
среди учениковъ и учителей-украинцевъ.

По окончаніи гимназіи Драгомановъ поступилъ
Кіевскій университетъ. Въ Кіевѣ онъ, вмѣстѣ съ друг
студентами, занялся устройствомъ такъ называемыхъ
скресныхъ школъ, сталъ преподавать тамъ. Относился
этому дѣлу съ большимъ увлеченіемъ, но скоро воскр
ныя школы были правительствомъ закрыты (правительс
и въ этомъ дѣлѣ увидѣло „крамолу"). Только что нача
дѣло пришлось бросить. Но вмѣсто него было найд
новое: въ Кіевѣ была создана такъ называемая „врем
ная педагогическая школа" для подготовки учителей
сельскихъ школъ юго-западнаго края.

Драгомановъ въ числѣ нѣсколькихъ студентовъ и
лодыхъ учителей гимназій вошелъ въ составъ препода
телей этой Временной школы. Дѣло налаживалось,
вскорѣ и противъ Временной школы началась тра
Тѣ, кому выгодна была тьма народная, кто больше вс
боялся распространенія просвѣщенія въ народѣ, обвин
преподавателей школы опять-таки въ крамольности, да
и „украинскомъ сепаратизмѣ" (стремленіи отдѣлить Укра
отъ Россіи), и министерство Народнаго Просвѣще
распорядилось преподавателей-студентовъ изъ школы у
лить. Былъ удаленъ и Драгомановъ.

Будучи въ университетѣ, Драгомановъ присоедини
къ студентамъ-украинцамъ, организовавшимъ особый на
нальный украинскій кружокъ. Здѣсь онъ проявилъ
бенно дѣятельное участіе въ дѣлѣ организаціи изданія

ступныхъ для народа книжекъ на украинскомъ языкѣ, но и тутъ работа была прекращена въ самомъ ея началѣ стараніями приверженцевъ самодержавія, которые заявили, что дѣло украинскаго возрожденія создается поляками, сѣющими смуту (то были часы польскаго возстанія).

Русское правительство, всегда угождавшее реакціи и подавлявшее всякую работу, направленную къ поднятію народной культуры, издало распоряженіе, запрещавшее печатать на украинскомъ языкѣ доступныя для пониманія простого народа научныя книги и учебныя. Даже печатаніе книгъ Св. Писанія на украинскомъ языкѣ было запрещено Св. Синодомъ. При такихъ условіяхъ работать было нельзя.

Университетъ Драгомановъ окончилъ весною 1863 г. Его, какъ даровитаго молодого ученаго, оставили при университетѣ въ качествѣ преподавателя (привать-доцента) и должны были послать на казенный счетъ за границу, для усовершенствованія въ наукѣ, но ему пришлось еще много претерпѣть, пока онъ, наконецъ, добился своего. Дѣло въ томъ, что въ правительственныхъ кругахъ и среди „начальства“ его считали „украинофиломъ“ (сторонникомъ украинскаго движенія) и „сепаратистомъ“, ибо Драгомановъ всегда отстаивалъ, говорилъ и писалъ, что народная школа должна быть близка народу, что обученіе можетъ быть успѣшно только въ томъ случаѣ, если его вести на родномъ языкѣ...

Но чѣмъ больше Драгоманова преслѣдовали, тѣмъ напряженнѣе становилась его энергія, тѣмъ старательнѣе онъ изучалъ украинскую исторію, знакомился съ произведеніями украинскихъ писателей, собиралъ и изучалъ народныя пѣсни Украины. Самъ онъ говоритъ: „изученіе богатой и прекрасной украинской народной словесности,

а особенно политическихъ пѣсенъ, которыя представляютъ собою поэтическую исторію украинскаго народа, разсказанную имъ самимъ, заставило меня крѣпко полюбить этотъ народъ"...

Осенью 1870 года Драгомановъ поѣхалъ заграницу, такъ-какъ получилъ, наконецъ, отъ университета командировку съ научной цѣлью. За границей онъ пробылъ три года, посѣтивъ разныя мѣста, въ томъ числѣ и славянскія земли. За границей онъ познакомился и со своими соплеменниками—украинцами изъ Галичины. Здѣсь Драгоманова стала занимать мысль о томъ, „какую силу проявило бы славянство, если бы въ немъ воспреобладала федеральная демократія въ духѣ Костомарова и Шевченка, а не „ополяченіе" сперва и московское „обрусѣніе" потомъ"...

Объ этомъ онъ подробно написалъ въ первой своей большой статьѣ, названной имъ: „Восточная политика Германіи и обрусѣніе". Но федеративный строй и демократическій порядокъ Драгомановъ считалъ возможнымъ осуществить только при широкомъ развитіи просвѣщенія въ народѣ, а для этого необходимо, по его мнѣнію развитіе литературы не только великихъ народовъ, а и болѣе мелкихъ національностей. Этому онъ и старался всячески способствовать.

Находясь за границей, Драгомановъ много работалъ, писалъ статьи по русски и по-украински о литературномъ и общественномъ движеніи въ Галичинѣ. Онъ приложилъ массу усилій для ознакомленія галиційскихъ украинцевъ съ произведеніями русскихъ писателей (Пушкина, Гоголя, Тургенева и др.), писалъ статьи для русскихъ и украинскихъ журналовъ и газетъ. Не бросилъ Драгомановъ этой своей работы и по возвращеніи изъ командировки обратно въ Кіевъ. Въ газетѣ „Кіевскій Телеграфъ" онъ помѣстилъ много статей по украинскому и славянскому вопросамъ,

въ нихъ онъ проводилъ тѣ-же мысли о федераціи и автономномъ устройствѣ и, хотя статей своихъ не подписывалъ своей фамиліей, но правительству было извѣстно, кто пишетъ, такъ какъ на Драгоманова постоянно доносили его враги. Наконецъ, ему было предложено подать въ отставку, уйти изъ преподавателей университета. Драгомановъ отказался, такъ какъ ничего преступнаго въ своихъ не находилъ. Лѣтомъ 1875 г. онъ съѣздилъ въ Галичину, но и оттуда на него стали присылать доносы такъ называемые „москвофилы"*), и, когда Драгомановъ вернулся, ему, на этотъ разъ, по личному распоряженію Александра II, опять предложили уйти въ отставку. Онъ и на этотъ разъ отказался. Тогда уже само начальство уволило его по „третьему пункту" (безъ объясненія причинъ).

Послѣ увольненія Драгомановъ, пробывъ нѣкоторое время въ Кіевѣ, выѣхалъ за границу совсѣмъ, чтобы вести тамъ пропаганду въ печати въ пользу политической свободы и содѣйствовать организаціи украинской печати (въ Россіи, какъ мы указывали выше, украинское печатное слово было подъ запретомъ). Первоначально онъ поселился въ Вѣнѣ, но затѣмъ его начала преслѣдовать австрійская полиція, считая идеи Драгоманова вредными, возбуждающими галицкихъ украинцевъ. Его изданія подвергались конфискаціи, а ему самому пришлось переѣхать въ Швейцарію—въ Женеву, гдѣ онъ и прожилъ до осени 1889 г. За время жизни Драгоманова за границей не проходитъ ни одного сколько-нибудь важнаго политическаго

*) „Москвофилами" (москволюбцы) называли и называютъ тѣхъ галичанъ, которые утверждаютъ, что для украинцевъ-галичанъ не нужно пользоваться роднымъ украинскимъ языкомъ, а русскимъ и стремиться нужно къ полному слiянію съ Россіей. Автономію они считаютъ не нужной. Москвофилы пользовались большой поддержкой самодержавія.

вопроса, на который бы онъ не отозвался. Его дѣятельность, поистинѣ кипучая, была посвящена не только политическому пробужденію украинскихъ народныхъ массъ и пропагандѣ среди нихъ соціалистическихъ идей, но и всестороннему развитію украинской культуры и, въ особенности, литературы. Имъ написаны большія статьи и изслѣдованія, написаны массы газетныхъ и журнальныхъ небольшихъ работъ и рядъ популярныхъ брошюръ на украинскомъ языкѣ. При участіи Драгоманова выходятъ въ Галичинѣ украинскія газеты и журналы, подъ его руководствомъ проходятъ свою политическую подготовку такіе выдѣляющіеся украинцы-галичане, какъ М. Павликъ и Иванъ Франко, онъ принимаетъ близкое участіе и въ борьбѣ политическихъ партій въ Галичинѣ.

Въ 1889 году болгарское правительство пригласило Драгоманова профессоромъ всеобщей исторіи въ Высшей Школѣ въ Софіи. Драгомановъ переѣхалъ туда. Въ Софіи Драгомановъ и умеръ 8 іюня 1895 года.

Цѣлью, къ которой Драгомановъ стремился, было политическое и національное освобожденіе украинскаго народа, просвѣщеніе народныхъ массъ, пріобщеніе ихъ къ культурѣ и объединеніе культурныхъ и свободныхъ народовъ въ федерацію, гдѣ не было бы „старшихъ“ и „младшихъ“, не было бы поработителей и угнетаемыхъ, а были бы лишь свободные политически и національно, равноправные народы-братья.

М. П. Драгомановъ былъ тѣмъ человѣкомъ, который „возбуждалъ энергію и желаніе работать“ у другого выдающагося дѣятеля на нивѣ украинской—Ивана Франка.

И. Я. Франко.

Этого поэта и ученаго дала украинскому народу не русская Украина, а зарубежная—Галичина. Но имя этого украинца стало извѣстно далеко за предѣлами его родины. Его знаютъ въ Россіи, знаютъ и далеко за границей, его произведенія переводятъ на разные языки, съ ними знакомятся и въ кабинетахъ ученыхъ профессоровъ, и подъ соломенными крышами галицiйскихъ крестьянъ-украинцевъ.

Вышелъ Франко, какъ и Шевченко, изъ простой крестьянской семьи (родился въ августѣ 1856 года). Отецъ его, пользовавшійся большимъ уваженіемъ не только у односельчанъ, но и во всей округѣ, былъ кузнецомъ въ пос. Нагуевичахъ, Дорогобычскаго уѣзда. Шести лѣтъ маленькаго Ивана отецъ отдалъ въ школу въ сосѣднее село Ясеницы, гдѣ онъ и выучился за два года читать, писать, усвоилъ четыре правила ариѳметики да научился церковному пѣнію. Но этимъ ученье Франка не окончилось: черезъ два года отецъ перевелъ Франка изъ сельской начальной школы въ такъ называемую „нормальную“, въ городъ Дорогобычъ. Тамъ способный и усердный мальчикъ занялъ одно изъ первыхъ мѣсто среди товарищей. Въ то время, когда Франко учился въ „нормальной“ школѣ, умеръ его отецъ. Мать скоро вновь вышла замужъ но, къ счастью, отчимъ не оставилъ Ивана на произволъ судьбы; онъ всѣ старанія приложилъ, чтобы дать возможность пасынку окончить школу и перейти въ гимназію.

Въ гимназіи Франку попался впервые въ руки „Кобзарь“ Шевченка. Стихи украинскаго поэта произвели на мальчика большое впечатлѣніе, и онъ почти всего „Кобзаря“ выучилъ на память. Съ большимъ увлеченіемъ читалъ Франко и перечиталъ едва ли не все, что было въ

гимназической библіотекѣ. Не ограничиваясь этимъ, онъ доставалъ книги у частныхъ лицъ, перечиталъ англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ писателей, познакомился и съ тѣми украинскими писателями, какихъ удалось достать (Стороженка, Кулиша, Марка Вовчка, Руданскаго, Мирного). Наконецъ, самъ онъ сталъ писать стихами и прозою,—(пока впрочемъ) не пытаясь печатать свои произведенія.

Окончивъ гимназію, Франко поступилъ въ Львовскій университетъ. Въ Львовъ повезъ онъ съ собою нѣсколько тетрадей со своими произведеніями. Тамъ были и стихи на разныя темы, и драмы, и повѣсти, было много и переводовъ изъ иностранныхъ авторовъ... Но печатать свои писанія сталъ Франко только черезъ нѣкоторое время въ журналѣ „Другъ", который издавался группой молодежи, называвшейся „Академическимъ Кружкомъ". „Другъ" печатался не на украинскомъ языкѣ, а на особой смѣси русскаго и украинскаго языковъ, на которомъ печатали тогда свои произведенія галиційскіе писатели. Они въ то время считали невозможнымъ печататься на украинскомъ языкѣ, считая его слишкомъ простымъ и несовершеннымъ. Только черезъ нѣсколько лѣтъ этотъ взглядъ уступилъ мѣсто тому мнѣнію, что для народа надо писать на языкѣ, какимъ онъ самъ говоритъ и какой хорошо понимаетъ, т.-е. для народа украинскаго надо писать по-украински.

Вотъ здѣсь-то и помогъ своимъ мудрымъ и вѣскимъ словомъ М. П. Драгомановъ, который разъяснилъ украинской молодежи въ Галичинѣ, что нужно придерживаться своего родного украинскаго языка, а не писать исковерканнымъ языкомъ, котораго ни русскій, ни украинецъ не пойметъ, какъ слѣдуетъ.

Въ концѣ второго года пребыванія въ университетѣ Франка впервые арестовала полиція по подозрѣнію въ при-

надлежности къ тайной политической организаціи. Девять мѣсяцевъ его продержали въ тюрьмѣ въ ужасающихъ условіяхъ среди разнаго рода уголовныхъ преступниковъ—воровъ и грабителей, въ грязи и духотѣ... Но тюрьма не сломила, а еще больше укрѣпила духъ Франка, она лишь убѣдила его въ правильности избраннаго пути.

По выходѣ изъ тюрьмы Франко продолжаетъ свою работу. Онъ пишетъ въ „Громадскомъ Другѣ“, „Дзвонѣ“, „Молотѣ“.

Онъ выступаетъ уже не какъ мальчикъ, не какъ молодой студентъ, а какъ настоящій убѣжденный демократъ, защитникъ угнетенныхъ, борецъ за счастье людей...

Въ своихъ произведеніяхъ онъ рисуетъ жизнь трудящагося люда, ту эксплуатацію, которой послѣдній подвергается со стороны капитала, эксплуатацію, которая высасываетъ кровь и потъ обездоленнаго человѣка.

Поэтъ, изображая горе и несчастье, темноту и приниженность, всегда, однако, вѣрилъ, что народъ не можетъ погибнуть, вѣрилъ въ человѣка, вѣрилъ въ то, что будущее принадлежитъ народу.

„Хоч порох чоловік, та вірю я в той порох:
Я твердо вірю въ труд иого могучии,
В ті милiони невсипущих рук,
І твердо вірю в людськии ум робучии
І в яснии день по ночі горя и мук“...

Тѣхъ, кто работаетъ для счастья народа, несутъ для него великія жертвы и лишенія, изобразилъ Франко въ видѣ „Каменотесовъ“, которые день и ночь своими кирками долбятъ каменную скалу и которую въ концѣ-концовъ цѣною неимовѣрныхъ усилій, а все же удастся имъ разбить.

„Розібємо скалу, раздробимо гранит
І кров'ю власною і власными кістками
Твердии змуруемо гостинець і за нами
Прииде нове життя, добро нове у світ“...

Своихъ трудовъ и жертвъ не мало потратилъ Франко, работая на нивѣ народной.

Еще не разъ приходится ему сидѣть въ тюрьмахъ, бѣдствовать. Одинъ разъ, по освобожденіи изъ тюрьмы, безъ гроша въ карманѣ Франко едва не умеръ съ голоду, и только счастливый случай спасъ его отъ смерти. Но никакія полицейскія преслѣдованія не могли сломить энергіи этого человѣка; единственно, что они могли сдѣлать, это помѣшать Франку окончить курсъ въ университетѣ, но все же,—правда, значительно позже, на четвертомъ десяткѣ лѣтъ,—Франко свой университетскій курсъ закончилъ.

Въ научной области онъ работалъ много и успѣшно, какъ и въ области литературной. Имъ написано много статей на литературныя темы, а также нѣсколько большихъ трудовъ, сдѣлавшихъ имя его извѣстнымъ среди ученыхъ на родинѣ и за границей.

Враги украинскаго народа ставили его вождю и пророку всякія препятствія, но Франко не останавливался на своемъ пути, непрестанно боролся съ ними и все шелъ впередъ, всюду поспѣвалъ, всюду съ большой энергіей дѣлалъ свое дѣло. Онъ принялъ близкое участіе въ „Научномъ обществѣ им. Шевченка“, которое образовали украинскіе ученые, чтобы въ немъ сообща, совмѣстными усиліями, разрабатывать украинскую науку; онъ же явился однимъ изъ редакторовъ украинскаго журнала „Літературно-Науковии Вістник“, выходившаго раньше во Львовѣ, а потомъ (съ 1906 г.) перенесеннаго въ Кіевъ (онъ выходитъ и сейчасъ); не оставлялъ Франко и политической дѣятельности. И всюду выступалъ онъ, какъ защитникъ, другъ и братъ трудового люда. Такъ на Франка и смотрѣли всегда галиційскіе крестьяне; никогда не видѣли они въ немъ „пана“, а лишь *своего* человѣка, близкаго имъ и всегда могущаго понять ихъ. И, какъ другъ народа, онъ

выступалъ вездѣ, защищая его интересы. Его интересы защищалъ онъ, когда требовалъ, чтобы вездѣ былъ допущенъ украинскій языкъ, какъ языкъ широкихъ народныхъ массъ; чтобы на немъ и только на немъ писали украинскіе писатели, чтобы на немъ учили въ школахъ, чтобы имъ пользовались въ правительственныхъ учрежденіяхъ. Народные интересы Франко, когда выступалъ противъ такъ называемыхъ „москвофиловъ", которые говорили, что нельзя писать книгъ на украинскомъ языкѣ, такъ какъ это, дескать, языкъ простого народа, а нужно писать на языкѣ русскомъ (хотя его въ Галичинѣ и не понимаютъ вовсе). Не бѣда, если народъ не пойметъ того, что пишутъ образованные люди. Для простолюдина, говорили „москвофилы", довольно молитвенника, катехизиса и псалтыри. Они прикрывали свое желаніе держать народъ въ темнотѣ и невѣжествѣ разными разсужденіями о томъ, что сначала-де нужно объединить Галичину и Россію однимъ языкомъ и потомъ соединить ихъ политически (конечно, подъ скипетромъ самодержавныхъ русскихъ царей). Франко боролся съ ними, потому что онъ несъ свѣтъ народу, а не тьму, и спасеніе этого народа видѣлъ прежде всего въ просвѣщеніи. И, какъ вѣрный сынъ и другъ народа, онъ сталъ въ первыхъ рядахъ той партіи въ Галичинѣ, которая боролась за освобожденіе народа украинскаго—національное и политическое, за освобожденіе его отъ угнетенія капиталистами, помѣщиками...

Конечно, въ Галичинѣ украинцамъ жилось легче, чѣмъ въ Россіи. Ихъ не преслѣдовали тамъ въ послѣдніе годы за желаніе остаться *украинцами*, не запрещали писать, говорить и учить на своемъ языкѣ. Допущенъ былъ этотъ языкъ и въ правительственныхъ учрежденіяхъ и въ судѣ. Произошло такъ потому, что Австро-Венгрія—монархія конституціонная, и подданные австрійской короны вообще

пользовались несравненно большими правами, чѣмъ под-
данные самодержавной Россіи, но, какъ и всюду, въ Ав-
стріи всѣмъ руководили высшія сословія—дворяне, крупны
фабриканты, помѣщики... А эти послѣдніе въ Галичи
главнымъ образомъ—поляки, и украинцевъ они стѣсняли
сколько могли: они отпускали имъ очень мало денегъ н
школы, на ихъ просвѣтительные общества, не давали воз-
можности завести свой университетъ, старались не пу-
скать на отвѣтственныя мѣста въ судахъ и разныхъ адми-
нистративныхъ учрежденіяхъ... Все приходилось брать с
бою. У кого было недостаточно смѣлости, мало способно-
сти боротся, кто больше думалъ о своемъ благополучі
а не о благѣ народа, тотъ шелъ въ польскіе круги, ст
рался тамъ завоевать дружбу или вмѣстѣ съ „москвоф
лами" начиналъ заискивать у русскаго царскаго прав
тельства, которое охотно платило деньги такимъ „пер
бѣжчикамъ" и оказывало всяческія милости... Но таки
людей, какъ Франко, нельзя было купить, нельзя бы
прельстить житейскими выгодами, теплыми мѣстами. Т
кіе люди охотнѣе шли въ тюрьмы, терпѣли лишенія, б
ствовали, лишь бы не сдѣлать ничего, что бы шло во вре
народу, для котораго они жили и трудились.

Враги Франка всѣ силы употребляли, чтобы какъ-н
будь подорвать къ нему довѣріе крестьянъ, чѣмъ-нибу
очернить его въ ихъ глазахъ. На разныхъ народныхъ со
браніяхъ, митингахъ они говорили, что Франко еврей, бе
божникъ, даже антихристъ, разсказывали о немъ разн
небылицы, но крестьяне твердо вѣрили въ Франка. Он
и въ парламентѣ голосовали за него и, если бы намѣс
никъ Галичины графъ Бадени не пустилъ въ ходъ ра
ныя хитрыя уловки, то Франко прошелъ бы въ депута
крестьянскими голосами. Но Бадени ненавидѣлъ Фран
и не допустилъ, чтобъ онъ сталъ членомъ парламент

Этого могущественный памѣстникъ могъ достигнуть и достигъ, но изъ крестьянскаго сердца изгнать Франка онъ не могъ. Франко остался въ благодарной крестьянской душѣ навсегда. Въ галиційскихъ селахъ вы почти всюду найдете книжки Франка, ихъ тамъ любятъ и читаютъ. Галиційскій крестьянинъ учится патріотизму, любви къ родинѣ, читая „Захара Беркута“ (повѣсть Франка); учится житейской и политической мудрости, читая „Лиса Микиту“ (сказка въ стихахъ, гдѣ разсказывается о разныхъ похожденіяхъ хитраго Лиса); учится любить и цѣнить свободу, читая „Папські жарти“.

Послѣдніе годы особенно тяжело жилось Франку. Онъ серьезно захворалъ, его разбилъ параличъ, почти совсѣмъ потерялъ онъ зрѣніе. Человѣкъ, зарабатывавшій перомъ свой кусокъ хлѣба, остался почти безъ всякихъ средствъ къ существованію, больной, немощный.

Всѣ, кто чѣмъ и какъ могъ, старались помочь украинскому дѣятелю, писателю и поэту, но помочь могли немногимъ.

Тяжкія невзгоды, упавшія на родину Франка съ началомъ настоящей войны, разореніе края и его населенія—то наступавшими, то отступавшими войсками той и другой стороны, всѣ бѣдствія войны еще больше ускорили конецъ многострадальной жизни Франка, и въ разгарѣ войны, въ маѣ 1916 г., мы получили печальное извѣстіе, дошедшее къ намъ изъ Галичины черезъ Швейцарію,—извѣстіе, погрузившее въ глубокое горе всѣхъ истинныхъ друзей украинскаго народа: 15 мая умеръ въ Львовѣ Иванъ Франко.

Тяжкимъ путемъ прошелъ свою жизнь Франко; на немъ онъ испыталъ всякія невзгоды и лишенія, видѣлъ голодъ, холодъ, мучился въ тюрьмахъ, терпѣлъ всякія преслѣдованія, но жизнь его, безъ сомнѣнія, была бы еще

тяжелѣе, если-бы онъ родился не въ Галичинѣ, не конституціонной Австріи, а въ россійской Украинѣ, п самодержавіи. Какъ умѣло расправляться съ украинск дѣятелями царское правительство, мы уже видѣли; знаемъ, что Шевченка—великаго народолюбца и патріо оно довело до ранней могилы, измучивъ его рядъ лѣ въ тюрьмахъ и ссылкѣ. Впослѣдствіи самодержавіе пош еще дальше и дошло до того, что совсѣмъ запрети печатать книжки по-украински. При такихъ условія работа становилась подвигомъ.

И въ такую мрачную пору приходилось жить и раб тать современному Франко не менѣе его популярном украинскому дѣятелю—Борису Гринченко.

Б. Гринченко.

Дѣтство Гринченко проходило такъ, что, хотя он родился и росъ на Украинѣ (въ Харьковской губ.), въ семьѣ не слыхалъ украинскаго слова. Его родите (мелкіе помѣщики) считали, какъ и многіе такъ называ мые интеллигенты въ то время, что украинскій языкъ— языкъ мужицкій и говорить на немъ пристало тольк мужикамъ, а никакъ не господамъ. Такъ думали, и п украински и сами не говорили, и дѣтямъ не позволял

Но, когда мальчикъ Гринченко учился въ школѣ (реальномъ училищѣ), ему попался въ руки „Кобзарь Шевченка. Книга по душѣ пришлась мальчику, съ бол шимъ интересомъ прочелъ онъ ее и, какъ самъ потом говорилъ, она стала для него какъ-бы Евангеліемъ. Про читавши Шевченка, Гринченко сталъ писать по-украинск стихи, разсказы и проч. (ему было тогда всего 14 лѣтъ За это „хохлачество“, какъ разсказывалъ потомъ Грин ченко, ему пришлось испытать и со стороны старшихъ

со стороны товарищей враждебное отношеніе, насмѣшки — вообще пришлось пережить немало горькихъ минутъ. Мы уже говорили раньше, какое значеніе для украинцевъ имѣлъ Шевченко и написанный имъ „Кобзарь". Многимъ онъ открывалъ глаза, многіе, прочитавши эту книжку, стали видѣть ясно, *кто они*; многіе увидѣли,

„Чия правда, чия кривда
І чиї ми діти"...

На примѣрѣ Гринченка сказалось это особенно ярко: мальчикомъ прочелъ онъ „Кобзаря"; почувствовалъ и понялъ всю правду этой книги, твердо рѣшилъ стать на путь служенія родному краю и затѣмъ уже всю свою жизнь съ этого честнаго и прямого пути не сходилъ, какъ ни труденъ, какъ ни тяжелъ былъ онъ.

Обстоятельства сложились такъ, что, окончивъ реальное училище, Гринченко не имѣлъ возможности учиться дальше, — пришлось искать хлѣба насущнаго, пришлось служить. Свою службу началъ онъ канцелярскимъ чиновникомъ въ казенной палатѣ, но вскорѣ бросилъ нудную канцелярскую работу и взялся за другую, болѣе живую, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе тяжелую и отвѣтственную. Гринченко пошелъ въ учителя народной школы. Всѣ мы знаемъ, какъ тяжелъ этотъ трудъ. Онъ беретъ у человѣка почти все его время и всѣ силы, если выполнять его по совѣсти, съ любовью и усердіемъ. При этомъ онъ совершенно не обезпечиваетъ матеріально; заработокъ народнаго учителя таковъ, что едва-едва удается спасаться отъ голода. Гринченко сознательно выбралъ эту дорогу, потому что именно здѣсь считалъ наиболѣе нужной и полезной свою работу, здѣсь, какъ ему казалось, наилучше используетъ онъ свои силы для блага украинскаго народа.

И долгіе годы, преслѣдуемый начальствомъ, котораго

такъ много было при старомъ порядкѣ и которое старалось не подпускать близко къ народу никого, кромѣ урядниковъ да стражниковъ, учительствовалъ на селѣ Гринченко. Когда оставались досуги отъ школьной работы, Гринченко посвящалъ ихъ литературѣ. Писалъ онъ стихи, разсказы, повѣсти, брошюры для народа, статьи по разнымъ вопросамъ для журналовъ и газетъ.

Писалъ онъ преимущественно по-украински, помѣщая свои произведенія въ галиційскихъ украинскихъ журналахъ (въ русской Украинѣ въ то время издавать журналы и газеты по-украински было запрещено)—напр. въ „Дѣлѣ", „Зорѣ", „Свѣтѣ" и др. И при этомъ подписывалъ ихъ „Чайченко". Свою настоящую фамилію нельзя было поставить, чтобы не создавать поводовъ начальству къ еще большимъ придиркамъ и преслѣдованіямъ.

Трудно было жить и работать при такихъ условіяхъ, но Гринченко не бросалъ своей работы. Несмотря на всѣ припятствія, заводилъ онъ при тѣхъ школахъ, гдѣ училъ, библіотечки съ книгами на украинскомъ языкѣ, пріучалъ народъ съ большимъ уваженіемъ относиться къ родному языку, самъ писалъ много въ защиту этого языка. Писалъ Гринченко по-русски и по-украински, доказывая и русскимъ и украинскимъ читателямъ, что дѣтей-украинцевъ нужно учить на ихъ материнскомъ языкѣ, что только украинская школа можетъ дѣйствительно чему-нибудь научить ребенка изъ украинской семьи. Школа, гдѣ учатъ на томъ языкѣ, который народу мало понятенъ, только ломаетъ людей, немногому ихъ учитъ, такъ какъ почти все, что они тамъ слышатъ и чему учатся, быстро забывается.

„Убогії ниви, убогії села,
Убогий, обшарпаний люд,—
Смутнії картины, смутні—невеселі,
А инших не знайдеш ти тут"...

Такъ описывалъ Гринченко окружающую его жизнь. И въ стихахъ своихъ, и въ повѣстяхъ онъ воспроизводилъ печальную жизнь простого украинскаго народа и звалъ украинскую интеллигенцію — образованныхъ просвѣщенныхъ украинцевъ на работу для этого народа, для его просвѣщенія... „Много людей на свѣтѣ, а людей-братьевъ нѣтъ“, говорилъ онъ и всѣ усилія прилагалъ къ тому, чтобъ „побратать“ людей, чтобы заставить ихъ придти на помощь другъ другу, работать на общую пользу, для общаго дѣла...

Къ концу жизни Гринченко довелось увидѣть хоть частичное освобожденіе родного украинскаго слова. Когда началось революціонное движеніе 1905 г. и привело къ изданію манифеста 17 октября, и на Украинѣ вздохнули съ нѣкоторымъ облегченіемъ. Стало возможнымъ печатать и издавать книги, газеты и журналы на украинскомъ языкѣ, не запрещались уже украинскія общества, собранія, можно было публично говорить по украински. И Гринченко неутомимо работалъ. Онъ былъ редакторомъ украинскихъ газетъ („Громадевка Думка“ и „Нова Громада“), онъ организовалъ въ Кіевѣ просвѣтительное украинское общество „Просвіта“ и руководилъ его работою въ качествѣ предсѣдателя, писалъ популярныя книжки для народа... Онъ-же взялъ на себя большой трудъ по составленію словаря украинскаго языка (въ этомъ словарѣ собраны всѣ украинскія слова и указано значеніе ихъ по-русски) и исполнилъ эту работу настолько хорошо, что Академія Наукъ присудила ему костомаровскую премію за этотъ трудъ.

Но усиленная работа и огромное количество разныхъ невзгодъ, выпавшихъ на долю Гринченко, не могли не подорвать и безъ того слабое здоровье его. Тяжкая болѣзнь (чахотка) подтачивала его организмъ. Не спасъ этого,

нужнаго для Украины человѣка и теплый цѣлебный климатъ далекаго юга, куда поѣхалъ Гринченко лечиться. 23 апрѣля 1910 года онъ умеръ въ Италіи.

Не легко было жить и работать всѣмъ, кто хотѣлъ трудиться на пользу народа. Если, скажемъ, учитель не только училъ ребятъ азбукѣ, но пытался еще и со взрослыми заниматься, разъяснять имъ разные непонятные вопросы, бесѣдовать съ ними о томъ, какъ выйти изъ непроглядной тьмы безграмотности и забитости, какъ создать лучшія условія для жизни, онъ уже становился опаснымъ человѣкомъ въ глазахъ начальства, „крамольникомъ“. Не любили и опасались народные опекуны въ мундирахъ каждаго ученаго, просвѣщеннаго человѣка, боялись газетъ, журналовъ, боялись, какъ-бы не открылъ народъ глазъ на все, что дѣется вокругъ него.

Оттого у насъ съ такимъ трудомъ открывались училища, оттого преслѣдовались разныя просвѣтительныя общества, не разрѣшались воскресныя школы, курсы для взрослыхъ.

И особенно боялось правительство такъ называемыхъ „инородцевъ“. Оно всякими способами притѣсняло и душило ихъ. Никто тогда и заикаться не смѣлъ объ украинской, литовской или бѣлорусской школѣ. Всѣ мѣры принимались къ тому, чтобы народы, населяющіе Россію, не могли узнать, *кто они*. И преслѣдованія сыпались на головы тѣхъ, кто, идя наперекоръ самодержавному произволу, отдавалъ свою жизнь спасенію родного народа отъ національной гибели. Такимъ тернистымъ путемъ шли Шевченко, Драгомановъ, Гринченко. По этому-же пути шли и другіе украинскіе дѣятели. Шелъ имъ и Михаилъ Сергѣевичъ Грушевскій.

М. С. Грушевскій.

Его имя можно часто встрѣтить теперь на страницахъ газетъ.

Какъ у каждаго политическаго дѣятеля, у него много друзей, но еще больше враговъ. Одни говорятъ о немъ съ большимъ уваженіемъ, другіе—со злобой, измышляя разныя небылицы и клевету. Для того, чтобы разобраться во всемъ этомъ, необходимо прослѣдить жизнь и дѣятельность М. С. Грушевскаго; тогда будетъ видно, что это за человѣкъ, и кто онъ—другъ или врагъ народа, и въ чемъ его заслуги, если онѣ за нимъ имѣются.

Происходитъ Грушевскій изъ русской Украины, изъ такъ называемой Холмщины. Въ г. Холмѣ его отецъ былъ учителемъ гимназіи, и тамъ въ сентябрѣ 1866 года родился Михаилъ Сергѣевичъ.

Но дѣтство и юность провелъ онъ не на Украинѣ. Отца его перевели въ Ставрополь, потомъ во Владикавказъ, затѣмъ въ Тифлисъ.

Въ Тифлисѣ М. С. Грушевскій учился въ гимназіи. Но, несмотря на то, что жить ему приходилось вдали отъ родныхъ мѣстъ, среди чужихъ народовъ, въ чужой обстановкѣ, привязанность къ родному, къ Украинѣ—всегда сохранялась въ семьѣ Грушевскихъ и, когда М. С. сталъ серьезно читать и заниматься, то его вниманіе привлекаетъ къ себѣ исторія родной Украины, ея литература, пѣсни и сказанія ея народа. И писать по-украински Грушевскій началъ рано. Сначала онъ пишетъ разсказы, которые помѣщаетъ въ украинскихъ журналахъ, выходящихъ въ Галичинѣ (въ „Ділі“ и др.); но мечтой его было стать ученымъ.

И вотъ въ старшихъ классахъ гимназіи онъ перечитываетъ все, что можно было достать въ провинціальномъ

городѣ по исторіи и литературѣ Украины. Еще серьезн[illegible] принялся онъ за научную работу, поступивъ въ Универ[illegible]ситетъ (Кіевскій). Какъ ни трудно было заниматься укр[illegible]инской исторіей въ тѣ времена, когда и самое сло[illegible] „украинскій“ было словомъ запретнымъ, но Грушевск[illegible] не бросаетъ своей работы.

Въ 1887 году онъ напечаталъ уже первую свою нау[illegible]ную работу, а, будучи на третьемъ курсѣ университет[illegible] получаетъ золотую медаль за свое сочиненіе („Истор[illegible] Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV вѣка“ По окончаніи курса, Грушевскій остается при универс[illegible]тетѣ въ качествѣ такъ называемаго профессорскаго ст[illegible]пендіата, для подготовленія къ профессорскому званію.

Въ то же время онъ сотрудничаетъ въ украинских[illegible] изданіяхъ Галичины, гдѣ пишетъ статьи по разным[illegible] вопросамъ.

Когда въ 1891 году кіевскому профессору В. Б. Анто[illegible]новичу было сдѣлано предложеніе пріѣхать въ Львов[illegible] чтобы читать тамъ въ Университетѣ исторію Украин[illegible] то онъ, не чувствуя себя въ силахъ взяться за эту работ[illegible] (онъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ и слабъ здоровьем[illegible] рекомендовалъ, вмѣсто себя, М. С. Грушевскаго.

Такимъ образомъ состоялся переѣздъ Грушевскаго из[illegible] Кіева въ Львовъ.

Въ Львовѣ онъ очень горячо взялся за работу—тру[illegible]ную и отвѣтственную. Но онъ не ограничивается тольк[illegible] преподаваніемъ, чтеніемъ лекцій въ университетѣ, он[illegible] организовываетъ вокругъ себя молодыхъ украинскихъ уче[illegible]ныхъ, принимаетъ участіе во всѣхъ начинаніяхъ украин[illegible]скаго общества Галичины, старается всюду посѣвать[illegible] вселяя и въ другихъ желаніе работать. Благодаря содѣй[illegible]ствію Грушевскаго, развивается и расширяется дѣятель[illegible]ность украинскаго научнаго общества въ Галичинѣ — „Нау[illegible]

вого Товариства імені Шевченка" (научное общество им. Шевченка). Оно становится какъ-бы Академіею Наукъ для Украины. Благодаря содѣйствію Грушевскаго, чаще и полнѣе выпускаются „Записки наукового Т-ва ім. Шевченка",—научнаго журнала. По разнымъ отраслямъ науки начинаютъ выходить особые сборники:—историко-философскіе, историческіе, юридическіе, статистическіе. Устраивается при томъ же научномъ обществѣ им. Шевченка—музей, библіотека (до 70 тысячи книгъ), типографія, книжный магазинъ.

Буквально ничего не предпринималось въ Львовѣ, гдѣ бы М. С. Грушевскій не принималъ участія. Исключительно важную заслугу М. С. Грушевскаго представляютъ его ученыя работы. М. С. Грушевскимъ написана многотомная Исторія Украины („Історія України-Русі") на украинскомъ языкѣ,—наиболѣе полный научный трудъ по украинской исторіи. При этомъ онъ пишетъ также рядъ статей въ украинскихъ и русскихъ журналахъ, составляетъ популярныя брошюры, („Просторі часи на Украіні", „Козацький батько Б. Хмельницькій", „Про украïнську мову і школу" и друг.), редактируетъ журналы. При его ближайшемъ участіи выходилъ и теперь вновь выходитъ „Літературно-Науковий Вістник". Онъ организовалъ и принималъ близкое участіе въ изданіи еженедѣльной народной—газеты „Село", выходившей въ Кіевѣ. Грушевскій всегда и вездѣ принималъ горячее и дѣятельное участіе въ просвѣтительной украинской работѣ. Такъ какъ русское общество мало знало объ украинцахъ, объ ихъ національныхъ особенностяхъ, желаніяхъ и стремленіяхъ, хотя и жило съ украинцами бокъ-о-бокъ, то Грушевскій, желая познакомить русскую публику съ тѣмъ, чего домогаются украинцы, пишетъ рядъ статей и въ русскихъ журналахъ и газетахъ, а затѣмъ выпускаетъ

отдѣльную книгу „Освобожденіе Россіи и украинск
вопросъ“.

Въ 1912 г. для той же цѣли ознакомленія русска
общества съ украинствомъ сталъ выходить въ Моск
особый журналъ—„Украинская Жизнь“, и М. С. Гр
шевскій принялъ въ немъ ближайшее участіе.

Когда стало возможнымъ и въ русской Украинѣ п
чатать книги на украинскомъ языкѣ, организовыва
украинскія общества съ культурными задачами, то пр
содѣйствіи проф. Грушевскаго открывается въ Кіе
украинское научное общество, и начинается изданіе ра
ныхъ трудовъ по украиновѣдѣнію.

И всюду:—открывается-ли новое украинское обществ
начинаетъ-ли свою дѣятельность новое издательство, нов
газета, новый журналъ, проф. Грушевскій, поскольку хв
таетъ силъ и времени, старается помочь, посодѣйствоват
поддержать.

При такихъ условіяхъ вполнѣ понятнымъ становит
то обстоятельство, что реакціонеры всѣхъ видовъ, погро
щики, жандармы, официальные и неофиціальные охра
ники всегда старались притѣснять, ограничивать, насколь
возможно, дѣятельность этого человѣка. Когда нельзя бы
дѣйствовать прямо, они пускали въ ходъ ложь и клевет
Говорили и о томъ, что проф. Грушевскій австрійск
шпіонъ, „сепаратистъ“ и измѣнникъ. Давно принимали
мѣры, чтобы совсѣмъ запретить Грушевскому въѣздъ в
Россію.

А когда началась война, когда царское правительств
объявивъ своей задачею освобожденіе порабощенныхъ на
родовъ, само стало запрещать изданіе украинскихъ книг
газетъ и журналовъ, когда стали закрываться украинск
общества, а разные охранники и продажныя души, при
нялись за аресты и высылку украинскихъ дѣятелей, т

проф. Грушевскій также былъ арестованъ и высланъ изъ Кіева.

Стараго, уважаемаго человѣка, заслуженнаго ученаго, котораго хорошо знаютъ не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, подвергли обыску, посадили въ тюрьму и выслали бы „куда Макаръ телятъ не гонялъ“, если бы не заступились русскіе ученые. По ихъ ходатайству проф. Грушевскаго выслали только въ Казань, а затѣмъ въ 1916 году осенью, послѣ долгихъ хлопотъ, разрѣшили переѣхать въ Москву. Здѣсь презрѣнный полицейскій чинъ приказалъ профессору съ европейскимъ именемъ каждую субботу являться къ нему въ участокъ „для провѣрки“. Вотъ до какого издѣвательства надъ украинскимъ патріотомъ дошелъ старый полицейскій режимъ Россіи... И приходилось подчиняться силѣ. Но здѣсь-же въ Москвѣ М. С. Грушевскій вскорѣ дождался и того момента, когда революціонная буря смела самодержавный порядокъ вмѣстѣ со всей той нечистью, которая лѣпилась возлѣ него и науськивала сплошь и рядомъ гражданъ Россіи другъ на друга, чтобы подъ шумокъ обдѣлывать свои грязныя дѣла. Вздохнули свободно и украинцы. Пришло время, когда стало возможнымъ вести культурную работу свободно, безпрепятственно.

Проф. Грушевскій выѣхалъ въ Кіевъ.

Какъ встрѣтила Украина изгнанника, можно было видѣть во время украинской манифестаціи, происходившей въ Кіевѣ 19 марта.

Тамъ десятки тысячъ народа, узнавъ, что въ толпѣ манифестантовъ идетъ и профессоръ Грушевскій, потребовали: „Покажите намъ Грушевскаго!...“

Поднятаго па руки и внесеннаго на балконъ зданія Городской Думы, Грушевскаго долго привѣтствовали рукоплесканіями и криками „Слава!“,

Въ тотъ день, возлѣ памятника Богдану Хмельницкому проф. Грушевскій говорилъ краткую рѣчь къ собравшимся манифестантамъ. Онъ сказалъ:

„Товарищи, братья! Двѣсти семидесятый годъ истекаетъ со времени великаго возстанія Богдана, когда украинскій народъ поднялся добывать себѣ затоптанныя права, строить свое государство, свое народовластіе. Лукавое московское правительство, которому въ опеку передало свою свободу украинское общество съ великимъ гетманомъ, закрѣпостило свободный украинскій народъ, и только теперь онъ можетъ вернуться къ свободной политической работѣ на своей землѣ, къ осуществленію тѣхъ задачъ, которыя служили путеводной звѣздой нашимъ предкамъ 270 лѣтъ тому назадъ: утвердить украинское народовластіе и государственное право Украины въ союзѣ съ другими народами восточной Европы, въ федеративной республикѣ Россійской. Подъ этими знаменами автономной демократической Украины въ федераціи россійской, пришли вы сюда. Подъ этими знаменами единодушно всѣ слои и круги украинскаго народа пойдемъ на великое дѣло—строить свободу и судьбу украинскаго народа! Слава свободной автономной Украинѣ въ федеративной Республикѣ Россійской!“.

Въ этой короткой рѣчи высказано была ясно и опредѣленно то, чего домогается украинскій народъ, чего ждетъ отъ добытой свободы, какъ представляетъ себѣ свою дальнѣйшую жизнь въ семьѣ другихъ народовъ Восточной Европы.

Объ этомъ много лѣтъ тому назадъ думали „братья“—члены Кирилло-Меѳодіевскаго Общества, эту мысль лелеялъ народный поэтъ Украины Шевченко, вездѣ и всюду провозглашалъ ее Драгомановъ, эта же мысль стоя

передъ всѣми другими дѣятелями украинскаго освобожденія.

Теперь украинскій народъ стоитъ на порогѣ осуществленія своихъ надеждъ. Близокъ часъ, когда всероссійское Учредительное Собраніе, созванное изъ гражданъ всей Россіи, утвердитъ тотъ свободный автономный порядокъ на Украинѣ, который обезпечитъ за украинскимъ народомъ полную возможность быть хозяиномъ у себя дома. Вмѣстѣ съ прогнившимъ насквозь самодержавіемъ, рухнули препятствія на пути украинскаго народа къ свободному развитію и полному проявленію всѣхъ его силъ и способностей.

Задолго до настоящаго времени въ одномъ изъ разсказовъ украинскаго писателя П. Мирного „про Правду та Кривду" мы читали про такой разговоръ бабушки съ внучатами:

„—Бабушка! а настанетъ-ли когда-нибудъ такое время, чтобы Правда побѣдила Кривду и стала сама царствоватъ на землѣ? спросилъ бабушку бѣлолицій Ивась.

Всѣ дѣти устремили глаза въ бабушкино лицо, дожидаясь, что она скажетъ. Бабушка ничего не отвѣтила, только низко-низко опустила голову, и старая голова ея на тонкой шеѣ почему-то сильно тряслась"...

Тогда непроглядная темь стояла надъ всей Россіей и трудно было вѣрить въ скорое торжество Правды; но всегда и въ самыя худшія времена находились люди, которые вѣрили. Вѣрили и сами шли на трудную и отвѣтственную работу и другимъ придавали бодрости. Шли, честно выполняя свой долгъ передъ народомъ, получая въ награду за это только одно—возможность сказать:

„Мы чесно йшли, у насъ нема
Зерна неправди за собою"...

И благодаря вѣрѣ этихъ людей, ихъ твердости, и безграничной любви къ родному краю, ихъ неустанн работѣ, украинскій народъ теперь можетъ идти дальш рука объ руку съ другими народами, какъ равный равными, не неся на себѣ *ни политическаго ни наці-нальнаго* гнета.

„Свобода и братство народовъ“.

Серія популярныхъ брошюръ по національному вопросу (подъ ред. Л. С. Козловскаго и А. Ѳ. Саликовскаго).

---

1. Война, революція и свобода народовъ.—Л. С. Козловскій.
2. Любовь къ родинѣ и братство народовъ.—Ѳ. В. Радванскій.
3. Что такое національность.—К. Тіандеръ.
4. Миръ и самоопредѣленіе народовъ.—Н. А. Кабановъ.
5. Объединеніе національностей.—Н. А. Кабановъ.
6. О національныхъ правахъ.—А. Ѳ. Саликовскій.
7. Что такое федерація и автономія.—А. Ѳ. Саликовскій.
8. Національный вопросъ въ Россіи и Учредительное Собраніе.—Л. С. Козловскій.
9. Сербія.—В. И. Пичета.
10. Бельгія.—С. Магенгеймъ.
11. Ирландія.—К. Дунинъ-Маркевичъ.
12. Сербо-болгарская распря.—Н. Н. Новиковъ.
13. Борьба народовъ въ Австріи.—Н. Н. Новиковъ.
14. Украина.—С. А. Ефремовъ.
15. Что отнято самодержавіемъ у украинскаго народа.—В. И. Пичета.
16. Дѣятели украинскаго освобожденія.—Л. И. Бучакъ.
17. Польша.—Л. С. Козловскій.
18. Финляндія.—К. Тіандеръ.
19. Еврейское безправіе и его плоды.—М. Анчаровъ.
20. Кто и почему устраивалъ еврейскіе погромы?—М. Анчарова.
21. Литовцы.—К. Марковскій.
22. Латыши.—А. Дауге.
23. Эсты.—К. Тіандеръ.
24. Арменія.—Г. Анановъ.

Цѣна 75 коп.

К-во „ЗАДРУГ

Москва, Крестовоздвиженскій пер., д. 9

чарная 24.

